

Книжная полка

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА: О ЧЕМ ГОВОРIT ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

(*Орлов А.Г.* Президентские республики в Латинской Америке. — М., МГИМО, 1995)

Проблемы государственного устройства, функционирования президентской, парламентской и судебной ветвей власти, правового статуса президента, занимавшие в прежние эпохи в основном умы профессионалов и узких специалистов, ныне вышли на первый план и в политической борьбе, и в теоретической работе юристов, политологов, социологов, обществоведов в целом. В последнее время вопрос о характере, прерогативах и возможностях президентской власти встал во весь рост практически во всех посткоммунистических странах: Восточной Европы, странах СНГ и, конечно же, в самой России.

Очевиден теоретический интерес к этим проблемам: Россия как бы открывает для себя тонкости и особенности политической борьбы, столкновения партий, коалиций, личностей; она как бы заново познает те законы, которые уже давно изучены и отработаны остальным миром: технологию электоральных кампаний, механизмы взаимодействия ветвей власти, методологию и тактику выработки стратегических политических решений, наконец, в более общем плане, сам механизм взаимоотношений гражданского общества и государства.

Вот почему широкому кругу ученых, студентам и преподавателям государственного права и политологии, а также практикам — работникам государственного аппарата будет интересно и полезно вышедшее в МГИМО МИД РФ учебное пособие А.Г.Орлова, подготовленное в рамках научно-исследовательской программы Иberoамериканского центра МГИМО.

Это далеко не первое обращение отечественных правоведов и политологов к данным сюжетам. В предшествующие годы был подготовлен и выпущен целый ряд исследований, посвященных общим проблемам государственного, конституционного устройства латиноамериканских стран, формам государственно-правовых режимов и правления в странах континента¹. Да и сам А.Г.Орлов является

опытным аналитиком данной проблематики, ведущим многолетние исследования политических систем и государственного права латиноамериканских стран².

Почему же появление рецензируемого издания столь актуально? В последнее время вышло уже немало работ, посвященных различным аспектам зарубежного опыта и их применимости (или неприменимости) для России³; более того, эти, казалось бы, сугубо специальные, теоретические проблемы быстро превратились в аргументы в ходе предвыборных баталий, как бы войдя в ткань политической борьбы в современной России.

Для подтверждения своей правоты политические оппоненты зачастую используют и реалии латиноамериканского политического истэблишмента, причем, следует заметить, не всегда с полным знанием дела. Так, автор справедливо подчеркивает, что отсутствие знаний о реальностях функционирования президентской республики в Латинской Америке, преобладание старых, упрощенных политических клише приводят к тому, что в ряде случаев президентскую форму правления в латиноамериканских странах приравнивают к открытой диктатуре, что, разумеется, не является адекватным отражением политических процессов в данном регионе мира (с.5).

Поэтому предпринятый А.Г.Орловым теоретический анализ проблем президентской формы правления на примере Латинскоамериканского континента имеет немалое практическое значение, и совсем не только как прагматически-утилитарное, предназначенное для научного обслуживания и своего рода «политпросвета» наших «политических игроков», а прежде всего как такое осмысление латиноамериканской разновидности президентской республики, которое позволяет выявить и конституционный статус, и фактическую роль президента в системе государственных органов, показать механизм осуществления им своих полномочий и возможные тенденции его эволюции в быстро меняющейся политической действительности. А главное — исследование имеющего длительную историческую традицию и выработавшего на протяжении долгой эволюции собственные закономерности института президентства в странах Латинской Америки может помочь в разработке принципов и основ президентской формы правления как в России, так и в странах ближнего зарубежья.

При обращении к проблемам складывания и функционирования президентской власти в Латинской Америке перед исследователем встают и более общие вопросы: можно ли вписать феномен латиноамериканского президенциализма в целостную систему международно-правовых институтов, сложившихся в мире, опирается ли он на основополагающие и общепризнанные императивы международного права. И, с другой стороны: что нового внес латиноамери-

канский президентализм в институт президентства в современном мире, насколько обогатил мировую практику функционирования президентской модели правления, какой внес вклад в такие обладающие общечеловеческой ценностью нормы международного права, как уважение прав и свобод человека, государственный суверенитет и целостность государственной территории, неприменение силы в международных отношениях, мирное урегулирование международных споров, невмешательство во внутренние дела других государств, принципы взаимного сотрудничества и равноправия государств на международной арене, добросовестное выполнение международных обязательств и т.п. Эти вопросы остались за пределами авторского внимания, но, думается, однако, что в разработке этого направления кроются немалые резервы для дальнейшего анализа данной проблематики. Более того, подобные проблемы освещаются на страницах МЖМП, в частности, применительно к России. Так, профессор А.Н.Талалаев поднимает важные вопросы о том, как соотносятся проблемы международного и внутригосударственного права, существует ли приоритет международных договоров страны над ее внутренними законами, каково воздействие принципов международного права на специфические особенности каждого отдельного государства⁴.

Итак, президентская власть фактически определяет функционирование всей политической системы в латиноамериканских странах. Президент как один из основных (наряду с правительством и парламентом — Национальным конгрессом) компонентов системы высших органов государственной власти является важным инструментом формирования и реализации внутренней и внешней политики, определения характера политического режима. Эволюция президентализма, динамика изменений полномочий президента, характер его взаимоотношений с парламентом, политическими партиями, судебной системой — все это оказывает непосредственное влияние на политические и государственно-правовые процессы в каждой отдельной стране, на соотношение гражданских прав и свобод, на действие конституционных норм.

Каковы же особенности президентской формы правления в Латинской Америке, в чем отличия латиноамериканского президентализма от традиционной президентской республики, сложившейся в США, других развитых странах мира?

Исторически сложившаяся форма государственного правления в Латинской Америке, подчеркивает автор, была во многом обусловлена пережитками испанского и португальского владычества. Вместе с тем сразу же после завоевания независимости молодые латиноамериканские государства (за исключением Бразилии, Кубы и Пуэрто-Рико) стали республиками. Зарождение буржуазии, внут-

ренная логика капиталистического развития логически вели к тому, что сразу же или через короткий период после образования самостоятельных государств взоры правящих элит обратились к модели президентской республики, впервые появившейся в США. Американская модель президентализма явилась своего рода примером для латиноамериканских республик, однако отнюдь не образцом для слепого копирования или заимствования: в Латинской Америке была сконструирована собственная модель, существенно отличавшаяся от североамериканской (с. 6—8). Президентская форма правления предполагала наличие сильной власти, при которой основными полномочиями располагал бы президент, а не парламент. Такая система требовала непосредственного подчинения сильному политическому лидеру при отсутствии традиций парламентаризма. Это вполне вписывалось в политическое видение правящих элит Латинской Америки XIX века, воспитанных на авторитарных традициях колониального периода, когда требование почти абсолютного подчинения высшим чиновникам, назначавшимся метрополией, было обязательной нормой, несоблюдение которой рассматривалось как покушение на священные права испанского короля и каралось тяжким наказанием.

Концентрация власти в руках президента была обусловлена и потребностями обеспечения политической и экономической стабильности, что также соответствовало взглядам правящих группировок на самостоятельное государственное развитие латиноамериканских стран.

В отличие от американской политической модели, где институт президентства базировался на принципе разделения властей, дополненном разветвленной системой «сдержек и противовесов», в латиноамериканской модели аналогичная система не сложилась, а законодательная и судебная ветви власти оказались значительно слабее исполнительной вертикали (с. 7). Эта специфика в полной мере отражена в термине «суперпрезидентская республика», широко используемом в зарубежной политологической литературе для обозначения латиноамериканского президентализма.

«Суперпрезидентская» форма правления означала огромные полномочия главы государства, закрепленные в конституции. Так, конституция Перу уполномочивает президента «олицетворять нацию», а конституция Аргентины середины XIX века провозглашала его «верховным главой нации». Все латиноамериканские конституции провозглашают президента главой государства. Обладая безусловным верховенством в системе государственных органов, он является главой правительства, верховным главнокомандующим. Значительно усиливают функции президента и его обширные чрезвычайные полномочия, которые могут быть использованы практи-

чески в любых критических ситуациях, начиная от международного вооруженного конфликта и кончая внутренними беспорядками (с.10). Причем, как отмечает автор, диапазон возможного использования латиноамериканским президентом его чрезвычайных полномочий более обширен, чем в обычной президентской республике, и, как показывает политическая практика Латинской Америки, применяется чаще и эффективнее, чем в других регионах.

Таким образом, автор формулирует один из главных выводов исследования следующим образом: «суперпрезидентская» форма правления — это фактически независимая, неконтролируемая законодательной или судебной властью система государственного управления, основной чертой которой является гипертрофированная президентская власть (с.11).

Размышления и дискуссии об особенностях «суперпрезидентской республики» в странах Латинской Америки неизбежно приводят к вопросу: в чем же причина и истоки такого рода правления? Почему обычные (и весьма значительные) функции президента в других странах (вспомним хотя бы США, Францию) получают в Латинской Америке особую «подпитку», особое наполнение, что и дает возможность говорить о «суперпрезидентской республике»? Можно привести целый ряд немаловажных обстоятельств, таких, как, например, функционирование президенциализма в условиях относительной слабости законодательной власти (автор пишет, что, в отличие от США, латиноамериканские президенты имеют значительно больше средств давления на парламент), а также нестабильной, недостаточно развитой, зачастую фрагментарной и слабо структурированной системы политических партий. Все это верно, однако хотелось бы обратить внимание и на другие факторы, которые в течение достаточно долгого предшествующего периода недооценивались нашими общественными науками, сбрасывались со счетов при анализе разнообразных политических феноменов. А между тем мировой опыт да и опыт нашей собственной страны красноречиво свидетельствует о недопустимости упускать их из виду.

Речь идет о массовом сознании, массовой психологии, политическом и социальном менталитете населения. Укоренение «суперпрезидентской республики» в Латинской Америке было теснейшим образом связано с особенностями массового сознания: консерватизмом, силой и живучестью исторических традиций, тягой к персонификации власти. Ярко проявились все эти феномены в Бразилии — одной из наиболее сильных на континенте «суперпрезидентских республик». Особенностью бразильского президенциализма является тот факт, что он имеет долгую историческую традицию и идейную опору во влиятельных течениях обществен-

ной мысли⁵. Именно президентский режим начиная с эпохи Республики обеспечивал главенство высшего руководителя исполнительной власти. Несмотря на использование в качестве образца американской модели президентской республики, президентциализм в Бразилии обладал немалой спецификой: prerogативы исполнительной власти усиливались перед законодательной, серьезное значение имели импульсы волюнтаризма и имперской традиции. Исторически сложилось так, что президентциализм, не стремившийся к коллективным решениям и компромиссам, подменял собой, а подчас и полностью нейтрализовал законодательную власть. Особенностью являлась и сохранившаяся с конца прошлого века связь с регионалистскими устремлениями штатов⁶.

Однако одной из, пожалуй, наиболее специфичных черт бразильского президентциализма являются его прочные корни в социальной психологии широких слоев населения. Массовое сознание бразильцев, будучи изначально пронизано персонализмом, традиционно ассоциировало власть с лидером, активно действовавшим против «враждебных сил», будь то олигархия или коррупционеры. Как отмечают многие бразильские политологи, сила президентциализма связана и с сильнейшей привязанностью бразильцев (как и латиноамериканцев в целом) к харизматическому лидеру, его отождествлением с верховной властью, с одной стороны, и персонализацией самой власти, мифологизацией «харизмы власти и лидера» — с другой⁷. В этом, кроме того, видится и одно из важных отличий латиноамериканского президентциализма от модели президентского правления в США: специфика политической культуры в США такова, отмечает Н.А.Сахаров, что американцы привыкли рассматривать своего президента как обладающего огромной властью лидера общенационального масштаба, но отнюдь не как всемогущего «отца нации», единоличного правителя и повелителя⁸.

Немаловажная особенность президентской власти в латиноамериканских странах связана и с тем, что президент, будучи избранным всеобщим, прямым и тайным голосованием и получая, по официальной трактовке, мандат на управление страной непосредственно от народа, без промежуточных органов или инстанций, еще более усиливает свои полномочия и независимость в системе государственных органов.

Сильная президентская власть в латиноамериканских странах, отмечает автор, в целом не имеет тенденции к изменению. После ликвидации диктаторских военных режимов в странах Южного конуса восстановление демократии сопровождалось и укреплением сильной президентской власти. И тем не менее нельзя не видеть такую немаловажную тенденцию: например, в конституции Бразилии, принятой в 1988 году, через три года после падения военного

режима, и законодательно закрепившей «демократический прорыв» бразильского общества, был устранен дисбаланс в объеме полномочий исполнительной и законодательной властей путем расширения — и весьма значительного — полномочий Национального конгресса⁹. Кстати сказать, уже позже, в 1990—1992 годах, в период правления президента Ф. Коллора, конгресс, используя данные ему конституцией полномочия, налагал вето на действия президента и тем самым во многом препятствовал тому, чтобы последний управлял с помощью «чрезвычайных актов» — так называемых «временных мер»¹⁰.

Более того, в странах, переживших военные диктатуры, идут споры о границах исключительных прерогатив президентской власти. Так, в Бразилии эти споры переросли в более общую дискуссию о форме правления, вернее, о том, какая форма правления в наибольшей степени соответствует обеспечению стабильности и демократии: парламентская, которая в условиях Латинской Америки означала бы преобладание законодательной власти на фоне слабого правительства, либо президентская, при которой, как показывали исторические прецеденты латиноамериканских стран, результаты выборов могли быть сведены к нулю. В дебатах вокруг формы правления, развернувшихся и в период, предшествовавший принятию конституции 1988 года, и позднее, на рубеже 80—90-х годов, выявились две концепции, два подхода: если один критически относился к президентализму, считая его «негибким» и неспособным быстро реагировать на веяния времени, то другой утверждал, что президентская форма наилучшим образом сочетается с бразильской и латиноамериканской политической культурой, в которой преобладают авторитаристские и персоналистские параметры, приверженность к сильной исполнительной власти. Немалый всплеск интереса к парламентаризму наблюдался в Бразилии после импичмента Коллора, повлекшего за собой разочарование не только в данном лидере, но и в институте президентской власти в целом, не сумевшей, по мнению бразильцев, уберечь общество от явлений и действий, несовместимых с высшим государственным постом. Однако президентализм все же победил: состоявшийся в 1993 году референдум, на котором населению было предложено сделать выбор между президентской, парламентской или монархической формами правления, показал, что превалируют настроения в пользу укрепления президентализма (55% — за президентское правление, 25% — приверженцы парламентской республики)¹¹.

Споры вокруг президентской и парламентской республики позволяют увидеть в них и отражение неких общих черт и тенденций, свойственных поставлоритарным обществам: ведь острые дискус-

сии вокруг подобных сюжетов идут и в российской политологии, и среди ученых и политиков других стран СНГ и Восточной Европы.

Исследование, проведенное А.Г.Орловым, побуждает к размышлениям и о других важных проблемах, порожденных президентизмом как формой правления. Это и ритуал всеобщих выборов президента, и жесткие требования, предъявляемые к кандидату на высший государственный пост. Любопытно, что в ряде латиноамериканских стран был введен национально-этнический ценз, согласно которому президент обязан принадлежать к коренному большинству населения; однако ныне этот принцип подвергся эрозии, примером чему служат два весьма успешных латиноамериканских президента — аргентинец сирийского происхождения К.Менем и перуанец японского происхождения А.Фухимори (с.13).

Специфической чертой избирательных систем латиноамериканских стран является принцип обязательного голосования. Латиноамериканские юристы считают: «Голосование является не столько правом, сколько обязанностью граждан». Если гражданин уклоняется от выполнения этой «важнейшей общественной функции», к нему могут быть применены санкции вплоть до денежного штрафа, ограничений в бизнесе, в приеме на работу и т.д. (с.14).

Интересен опыт латиноамериканского избирательного права в отношении участия вооруженных сил в президентских выборах. Военнослужащие и полицейские не имеют права голосовать и быть избранными; их участие в электоральном процессе может быть сведено лишь к функциям по охране избирательных участков и поддержанию общественного порядка в день голосования (с.15).

В конституциях латиноамериканских стран закреплён принцип выдвижения кандидата в президенты от политической партии. Политическая практика этих стран знает случаи, когда партии-однодневки создавались специально для выдвижения претендента на пост главы государства, а после выборов тихо сходили с политической сцены. Так было, например, в ходе президентской кампании 1989 года в Бразилии, когда будущий президент Ф.Коллор был выдвинут от «игрушечной», созданной исключительно для этих целей Партии национальной реконструкции, никому доселе не известной на фоне влиятельных и имевших солидную историю мощных политических партий.

В конституционном законодательстве латиноамериканских стран накоплен большой опыт по определению итогов выборов, методикам подсчета голосов, механизму противодействия нарушениям результатов голосования.

В латиноамериканских конституциях проработан и принцип юридической ответственности президента; при этом была воспринята американская система предъявления президенту конституци-

онных обвинений в ходе процедуры отрешения от должности (импичмента). Эта процедура с небольшими вариациями используется для отстранения президента от власти во всех латиноамериканских странах с двухпалатным парламентом. Палата депутатов двумя третями голосов предъявляет обвинения президенту по оговоренным в конституции основаниям и назначает специальный комитет по расследованию; если обвинение, сформулированное в подготовленном им докладе и предъявленное нижней палате, подтверждается двумя третями голосов депутатов, дело по обвинению президента передается в верхнюю палату — сенат, — являющуюся в данном процессе своего рода судебной инстанцией. После слушания дела сенат преобразуется в суд под председательством главного судьи Верховного суда (с. 22—23).

Для предшествующей истории Латинской Америки импичмент был совсем не характерен, хотя и известен ряд случаев его применения, явившихся, впрочем, не «правилом», а экзотическим исключением из правил и не нарушавшим традицию насильственного свержения президентов в ходе длинной череды государственных переворотов, путчей, военных мятежей, ставших печально знаменитой «визитной карточкой» латиноамериканской политической жизни прошлого. Однако последние годы преподнесли сюрпризы: эта процедура стала принимать реальный характер. Так, в 1992 году был отстранен от власти президент Бразилии Ф.Коллор, а в 1993 году конгресс Венесуэлы проголосовал за отставку обвиненного в финансовых махинациях и причастности к коррупции президента К.А.Переса. Для общественного мнения и политического менталитета населения стран континента эти беспрецедентные события имели громадное значение: впервые в истории этих крупнейших латиноамериканских стран отстранение президентов состоялось в строго конституционных рамках, в соответствии с демократическим выбором, по решению парламентов и суда. Это свидетельствует также и об усилении независимости этих двух ветвей власти, традиционно уступавших приоритет власти исполнительной.

Специальное внимание уделяет А.Г.Орлов анализу такой актуальной проблемы, как конституционный статус президента. Действительная роль президента в системе государственных органов стран Латинской Америки определяется не только установленным конституцией правовым статусом высшего должностного лица государства, но и фактическим возрастанием роли президентской власти, за чем не всегда «успевают» конституционные положения: реальные полномочия президента значительно шире, чем они прописаны в конституции.

Весьма специфический характер носит соотношение президентских полномочий и руководства вооруженными силами. Прези-

дент прямо не руководит армией, хотя вооруженные силы обязаны подчиняться ему как главе государства. Интересно, однако, имеющее место в некоторых латиноамериканских странах «двоевластие» в полномочиях президента и военного командования (например, в Никарагуа, Чили), что порождает напряженность во взаимоотношениях между главой государства и армией (с.29).

Своеобразной политической традицией стало инициирование президентом «чрезвычайного» законодательства и введения чрезвычайного положения на территории всей страны или в отдельных ее регионах: в этих случаях на вооруженные силы возлагается контроль за поддержанием порядка. И вместе с тем самые последние события новейшей политической истории Латинской Америки демонстрируют и в этой области весьма различные, подчас взаимоисключающие феномены.

Вот пример из недавнего прошлого, в чем-то подтверждающий, а в чем-то — как и многие события текущей политической истории — опровергающий традиционные оценки: перуанский феномен «взаимодействия» президента с парламентом и главными политическими партиями. В 1992 году президент А.Фухимори ввел чрезвычайное положение, приостановил действие конституции, распустил конгресс и Верховный суд. Было введено прямое президентское правление, и никакие протесты местной и международной общественности, включая осуждение данных методов со стороны США, крупных международных организаций, не повлияли на решение перуанского президента. Парадоксальным, опровергнувшим традиционные оценки фактом явилось то, что 75% населения страны поддержали действия Фухимори, а в ходе президентских выборов 1995 года он был переизбран на новый срок уже в результате первого тура выборов с огромным отрывом от соперников; возглавляемое же им политическое движение получило на парламентских выборах того же года подавляющее большинство мест в парламенте. Все это было свидетельством поддержки со стороны населения принципа сильной президентской власти, сильного лидера, сумевшего, пусть даже с помощью «конституционного переворота», нанести удар по неэффективной парламентской и партийной системе, выглядевшей в глазах избирателей главным виновником действительно ужасающего социально-экономического положения страны.

А вот пример совершенно противоположного порядка, доказывающий «подвижность» устоявшихся представлений о механизмах взаимодействия президента и парламента в Латинской Америке. Когда президент Гватемалы Х.Серрано сделал попытку в 1993 году в точности повторить в условиях своей страны «модель Фухимори», приостановив действие конституции, распустив конгресс и

Верховный суд и введя прямое президентское правление, последовавшая реакция оказалась прямо противоположной тому, что наблюдалось в Перу. Парламент, партии, церковь, профсоюзы, предприниматели, значительные общественные организации выступили против решения президента, который в результате бежал из страны, а вскоре был избран новый президент¹². (Эти важнейшие эпизоды конституционной истории Латинской Америки почему-то остались за пределами авторского исследования.)

Хотя в конечном счете политические конфликты были урегулированы в русле конституционных решений, тем не менее данные феномены свидетельствуют и об известной слабости конституционных структур, и о противоречивой ситуации в различных странах, и об устарелости рассмотрения Латинской Америки «в целом», анализа всех латиноамериканских стран «скопом»: несмотря на наличие общих черт, каждая из них неповторима и зачастую демонстрирует особую, весьма своеобразную парадигму политического и конституционного «поведения».

Вызывает интерес анализ такой важной сферы деятельности исполнительной власти, как взаимоотношения президента и правительства, имея в виду, что президент является главой кабинета министров. Правительство, как правило (за исключением перуанского варианта), не имеет конституционного статуса, являясь совещательным органом при президенте, который и определяет его состав и порядок формирования; при этом министерства также подчинены непосредственно президенту (с. 38—44).

Таким образом, отношения между президентом и правительством, президентом и парламентом, полномочия президента в сфере законодательной деятельности, богатый арсенал средств воздействия со стороны президента на законотворческую деятельность конгресса, делегирование конгрессом части своих полномочий исполнительной власти (так называемое делегированное законодательство), право президентского вето — все это составляет весьма важные грани конституционного опыта латиноамериканских стран, подробно анализируемые автором.

И наконец, важным разделом учебного пособия является глава о реальном действии президентской власти в условиях латиноамериканских стран (хотя здесь рассматриваются аспекты, уже описанные в предыдущих разделах, что влечет за собой повторы). Интересен обзор полномочий латиноамериканских президентов в области формирования и конкретной реализации внешнеполитического курса. Решение ключевых внешнеполитических проблем — прямая прерогатива президентской власти, занимающей приоритетные позиции во внешнеполитическом механизме (с. 72—82).

Представляется, что издание Иberoамериканским центром МГИМО рецензируемого учебного пособия является исключительно важным не только в деле подготовки квалифицированных кадров политологов, юристов, государственных служащих, деятелей сферы государственного управления (хотя это самоценно само по себе). Ценность данной работы простирается гораздо дальше тех непосредственных целей, которые поставил перед собой автор. Подобное исследование демонстрирует важность накопленного другими странами опыта конституционного строительства, соотношения президентской и парламентской форм правления, принципов государственного управления. То, что для России полезен такой опыт, несомненно, причем крайне важно, что речь идет именно об опыте латиноамериканских стран, весьма сопоставимых с нашей страной по многим экономическим и социо-культурным параметрам. Вместе с тем очевидно, что нельзя слепо копировать либо механически применять любой, даже самый идеальный опыт, да это и невозможно. Речь о том, что *знания* об опыте, накопленном в ходе долгого исторического процесса и обогащенном быстро меняющейся политической реальностью, могут оказаться небесполезными для детальной разработки механизмов государственного управления, разделения и соотношения властей, политического структурирования общества, взаимоотношений гражданского общества и государства — проблем, от органичного и сбалансированного решения которых во многом зависят судьбы демократии в новой России, переживающей непростые коллизии переходного периода.

Л.С.Окунева,

доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник

Института Латинской Америки РАН

¹ См., например, *Жидков О.А.* История государства и права стран Латинской Америки. — М., 1967; *Лазарев М.И.* Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки. — М., 1967; *Разумович Н.Н.* Кто и как правит в Латинской Америке. — М., 1967; *Чиркин В.Е., Тихонов А.А., Рябов С.В.* Формы государства в буржуазных странах Латинской Америки. — М., 1982.

² *Орлов А.Г.* Государственное право стран Латинской Америки. — М., 1972; *его же.* Политические системы стран Латинской Америки. — М., 1982.

³ См., например, содержательную книгу Н.А.Сахарова (в которой трагируются в том числе и проблемы президенциализма в Латинской Америке) «Институт президентства в современном мире». — М., 1994. В настоящее время за рубежом выходит немало работ, посвященных анализу

особенностей президентализма в США, взаимоотношений президентской и законодательной властей, а также специфике латиноамериканского президентализма. См., например, *Geddes B. Politician's Dilemma: Building State Capacity in Latin America.*—Berkeley.—1994; *Jones Ch.O. The Presidency in a Separated System.*—Washington, 1994.

⁴ См. *Талалаев А.Н.* Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституции РФ// Московский журнал международного права. — 1994. — № 4.

⁵ Подробнее об этом см. *Окунева Л.С.* Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии (феномен пост-авторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России). — Кн. 1, 2. — М., 1994.

⁶ *Diniz E.* Economia, política e democracia sob a gestão Collôr; uma difícil articulação. — O governo Collor em questão: problemas e perspectivas. — Rio de Janeiro, 1990. — Cadernos de conjuntura 34/35. — P.21; *Abranches S.* O dilema político — institucional brasileiro. — Modernização política e desenvolvimento. — Rio de Janeiro, 1990. — P. 183; *de Castro Andrade R.* A democracia e a República no Brasil. — São Paulo, 1988.

⁷ *Lamounier B.* Um projeto, três utopias: variações sobre o tema da reorganização político-institucional brasileira. — Modernização política e desenvolvimento. — P. 132—133, 135.

⁸ *Сахаров Н.А.* Указ. соч. — С.20.

⁹ См. *Караваев А.П.* Институционализация политической демократии (бразильский опыт)// МЭиМО. — 1991. — № 5. — С. 124; см. также: *Автономов А.С.* Конституционное регулирование политической системы Бразилии (история и современность). — М., 1991. — С. 70—79.

¹⁰ *Окунева Л.С.* Указ.соч. — Кн. 1. — С. 159—162; Кн. 2. — С. 259.

¹¹ *Там же.* — Кн. 2. — С. 212—221, 238—246.

¹² *Строганов А.И.* Новейшая история стран Латинской Америки. — М., 1995. — С. 385—389.

Рецензия получена редакцией в марте 1996 г.